

Глава 1

К тому времени, когда ей исполнилось двадцать два, Эмма Гладстон усвоила несколько суровых уроков.

Прекрасные принцы не всегда оказываются теми, кем кажутся. После крестовых походов сверкающая броня благородства вышла из моды. А что касается фей, если они еще существуют, так ее фея-крестная припозднилась на несколько лет.

Что тогда остается девушке? Спасаться своими силами.

В сегодняшний полдень выдался как раз такой случай.

Перед Эммой возвышался Эшбери-Хаус, занимая южную сторону фешенебельного Мейфэра. Элегантный. Огромный.

И наводящий ужас.

Эмма проглотила стоявший в горле ком. Она сумеет это сделать! Несколько лет назад она прибыла в Лондон одна-одинешенька. В сердце ее поселилась колючая зима. Но она решительно не желала отступать перед угрозой голодной смерти. Нашла работу, начала новую жизнь в этом огромном городе.

Сейчас Эмма готова проглотить самую большую иголку в швейной мастерской мадам Биссетт, только бы не ползти на коленях обратно в отцовский дом.

Вот и получилось: по сравнению со всем, что ей пришлось пережить, постучать в дверь герцогского особняка — пара пустяков. Ей только и нужно, что расправить плечи, проникнуть за кованую решетку ворот, бодро подняться по гранитным ступенькам — право же, их не так уж много — и постучать в массивную, покрытую богатой резьбой дверь.

«Добрый день. Я Эмма Гладстон. Мне нужно по-видать таинственного затворника — герцога Эшбери. Нет, мы не знакомы. Нет, у меня нет визитной карточки. У меня вообще ничего нет. Возможно, завтра у меня не окажется и крыши над головой, если вы меня не впустите...»

О господи, с этим далеко не уедешь.

И Эмма с жалобным стоном повернула от ворот прочь, чтобы в десятый раз обойти площадь, растирая под плащом замерзшие без перчаток руки.

Нет, она обязана попытаться!

Замедлив шаг, девушка встала лицом к воротам, сделала глубокий вдох и закрыла ладонями уши, чтобы не слышать, как бешено стучит ее бедное сердце.

Дело шло к вечеру. Никто не придет ей на помощь. Значит, колебаний быть не может, как не может быть и пути к отступлению.

На старт. Внимание. Вперед!

Сидя в библиотеке за столом, Эшбери услышал непривычное треньканье. Неужели стучат в дверь? Вот еще раз. Точно. И что всего хуже, стучали в дверь его собственного дома. Чертовы сплетники...

Всего несколько недель назад герцог вернулся в Лондон. Но в этом городе слухи распространяются со скоростью пули. У него не было ни времени, ни терпения, чтобы выслушивать всех желающих совать нос в чужие дела. Кто бы ни явился к нему на порог, визитер будет быстро спроважен Ханом.

Окунув в чернильницу перо, герцог продолжил писать письмо, адресованное поверенным:

«Не знаю, какого черта вы делали все эти годы, однако состояние своих дел я нахожу весьма плачевным. Немедленно увольняйте управляющего йоркширскими имениями. Скажите архитектору, что я желаю взглянуть на планы новой мельницы, хотя они были нужны мне еще вчера. Да, есть еще одно дело, которым следует заняться безотлагательно...»

Эшбери помедлил, перо замерло в его руке. Ему не верилось, что вот сейчас он выведет эти слова на бумаге. Они внушали ему ужас. Однако нужно же закончить с этим делом.

«Мне нужна жена».

Он подумал, что надо обозначить свои требования. Это должна быть женщина детородного возраста, приличного происхождения, которой срочно требуются деньги и которая захочет разделить ложе с мужчиной, обезображенным шрамами.

Короче говоря, женщина, чье положение отчаянно.

О господи, как все же это мрачно. Лучше ограничиться одной строкой: «Мне нужна жена».

В дверях появился Хан — его дворецкий.

— Ваша светлость, простите, что нарушаю ваш покой, но там молодая особа — почему-то в подвенечном платье — желает вас видеть.

Эш поглядел на дворецкого. Затем на слова, которые только что написал. Потом снова на дворецкого.

Ну просто колдовство какое-то! Возможно, его поверенные не такие дармоеды, как он думал. Герцог отложил перо и забросил на стол ногу в сапоге, откинувшись на спинку кресла и пряча лицо в тени.

— Что ж, проводи ее сюда.

В комнату вошла молодая женщина в белом одеянии.

Эш проворно убрал со стола ногу и отвернулся так поспешно, что чуть было не ударился лицом о стену. С ближайшей полки свалилась папка с бумагами, и листки рассыпались по полу точно снежные хлопья.

Он был ослеплен, но вовсе не красотой гостыи, хотя девушка, весьма вероятно, была красива. Судить о ее красоте оказалось невозможным, потому что на ней было невообразимое платье — чудовищное нагромождение жемчуга, кружев, бриллиантов и бусин.

Боже всемогущий! Для него было странно находиться рядом с чем-то таким, что вызывало еще большее отвращение, чем его собственная внешность.

Упираясь локтем о правый подлокотник кресла, Эшбери поднес ладонь ко лбу, чтобы спрятать шрамы на лице. В данном случае он и не думал щадить чувствительность слуги или собственную гордость. Он просто закрылся от... от всего этого.

— Простите, ваша светлость, что врываюсь к вам подобным образом, — сказала молодая особа, чей взгляд был устремлен в угол персидского ковра.

— Надеюсь, ваши извинения искренни.

— Видите ли, мое положение просто отчаянное.

— Я так и понял.

— Вы должны заплатить мне за работу, и притом немедленно.

Эшбери замер.

— За вашу... работу?

— Я портниха и сшила вот это... — Она обвела руками свое шелковое безобразие. — Для мисс Уортинг!

Для мисс Уортинг?..

Эшбери догадался. Кошмар из белого шелка предназначался для его бывшей невесты. В это верилось легко. У Аннабел Уортинг всегда был дурной вкус. Это касалось и платьев, и потенциальных мужей.

— Когда ваша помолвка была разорвана, мисс Уортинг не стала забирать платье. Она дала деньги на шелк, на кружева и на все остальное, но не заплатила за шитье. То есть мне не заплатили за работу. Я пыталась пробиться к ней, приехала в дом Уортингов, но безуспешно. Мои письма к вам обоим остались без ответа. Тогда я подумала: если появлюсь вот в таком виде... — Девушка расправила складки блестящего сугроба. — Меня невозможно будет не заметить.

— В этом вы правы. — Сейчас кривилась даже здоровая половина его лица. — С ума сойти! Будто в мануфактурной лавке произошел взрыв и вы пали его главной жертвой.

— Мисс Уортинг желала платье, достойное герцогини.

— Это платье, — пробурчал Эшбери, — смахивает на люстру в публичном доме.

— Ваша бывшая невеста отличалась... экстравагантным вкусом.

Герцог подался вперед в своем кресле.

— Я даже не могу оценить всю эту красоту целиком. Похоже на отрыжку единорога. Или на шкуру снежного человека, который, по слухам, нагоняет страх на обитателей Гималаев.

Она возвела глаза к потолку и тяжело вздохнула.

— Что? — спросил Эшбери. — Только не говорите, что вам самой это нравится.

— Какая разница, ваша светлость, отвечает это платье моим вкусам или нет. Я все равно горжусь своим трудом — на это платье ушли многие месяцы работы.

Теперь, опомнившись от зрелища ее кошмарного наряда, Эш наконец обратил внимание на собственно юную особу, которую этот жуткий наряд совершенно затмил.

Девушка могла украсить собой любое платье: цвет лица — сливки, губы — лепестки розы, ресницы — опахала.

И характер, вероятно, стальной.

— Только одна эта вышивка... Я трудилась неделю, чтобы довести ее до совершенства. — Кончиками пальцев девушка провела вдоль выреза корсажа.

Герцог проследил за ее пальцами. Но не вышивка занимала его. Он видел ее грудь — небольшие соблазнительные бугорки, безжалостно стиснутые корсажем платья. Они ему понравились, как и ее решительное настроение, которое заставило ее грудь взволнованно вздыматься.

Эш поднял глаза выше, оценил и стройную шею, и копну зачесанных вверх каштановых волос. Одного вида ее строгой прически было достаточно, чтобы у мужчины появилось желание выпустить на свободу эти буйные пряди, вынимая шпильки одну за другой.

«Держи себя в руках, Эшбери!»

Вряд ли девица настолько красива, как кажется. Несомненно, все дело в контрасте с этим отвратительным платьем. К тому же Эш давно уже живет затворником...

— Ваша светлость, — продолжила гостя. — Мое ведерко для угля совсем пустое, в кладовке сыщется лишь несколько заплесневевших картофелин, а сегодня истекает срок квартальной платы за жилье. Хозяин грозился выбросить меня на улицу, если я не заплачу всю сумму. Мне нужно получить то, что я заработала. И дело очень срочное. — Она протянула руку. — Прошу вас. Два фунта три шиллинга.

Эшбери смотрел на нее, сложив руки на груди.

— Мисс?..

— Гладстон. Эмма Гладстон.

— Мисс Гладстон, вы, кажется, не понимаете, как это выглядит со стороны. Вы нарушили покой и уединение герцога. Вам следовало сгорать от стыда, а еще лучше — дрожать от страха. Однако я не наблюдаю ни заламывания рук, ни страха, ни дрожи. Вы точно простая портниха?

Девушка показала ладони — на подушечках пальцев едва зажившие порезы и мозоли. Убедительное доказательство, вынужден был признать Эш, но до конца она его не убедила.

— И все же вряд ли вы были рождены в бедности. Слишком хорошо вы держитесь, и у вас хорошие

зубы. Я бы предположил, что вы еще в нежном возрасте остались сиротой в результате какого-то ужасного случая.

— Нет, ваша светлость.

— Вас кто-то шантажирует?

— Нет, — выдохнула Эмма.

— Вам приходится посылать деньги на содержание незаконнорожденных детей, и вас этим шантажируют?

— Нет.

Он щелкнул пальцами.

— Допустим, ваш отец распутный повеса, в долгой тюрьме или спускает деньги на джин и продажных девок.

— Мой отец — приходской священник в Хартфордшире.

Эшбери задумался. Приходские священники относились к благородному сословию.

— Как может дочь джентльмена очутиться в швейной мастерской и орудовать иглой, стирая в кровь пальцы?

Наконец-то Эш увидел, как дрогнула решимость его гостя. Она потеряла кожу за мочкой уха.

— Иногда жизнь принимает непредсказуемый оборот.

— Ну, это еще слабо сказано.

Судьба точно безжалостная ведьма. Уж кому, как не Эшбери, это знать. Он повернулся в кресле и протянул руку к сейфу, скрытому за письменным столом.

— Простите. — Ее голос смягчился. — Должно быть, разорванная помолвка стала для вас большим ударом. Мисс Уортинг показалась мне прекрасной молодой леди.

Эш отсчитал деньги, сложив монеты в свою ладонь.

— Если вы успели провести некоторое время в ее обществе, то знаете...

— Тогда, может быть, это к лучшему, что вы на ней не женились.

— Да, не иначе как у меня замечательный дар предвидения, если я обезобразил себе лицо еще до свадьбы. Вот была бы незадача, если бы я затянул с этим делом и мы успели пожениться!

— Обезобразили себе лицо? Простите, ваша светлость, но вы не сгущаете краски?

Эшбери щелкнул замком, закрывая сейф.

— Аннабел Уортинг отчаянно желала выйти замуж за человека титулованного и богатого. Я герцог и вдобавок неприлично богат, но тем не менее она меня бросила. Что я сгущаю?

Он встал и повернулся к ней обезображенной стороной лица, предлагая увидеть его в полном уродстве. Письменный стол стоял в самом темном углу библиотеки — и не случайно. Тяжелые бархатные занавеси почти не пропускали в комнату солнечный свет, однако такие страшные шрамы, как у него, мог скрыть только полный мрак. Участки кожи, избежавшие огня, были искромсаны сначала ножом хирурга, затем в те жуткие недели, когда он страдал от лихорадки и нагноений. На всей правой части его тела, от виска до бедра, не было живого места — сплошные рубцы да пороховые ожоги.

Мисс Гладстон притихла, но, надо отдать ей должное, в обморок не упала, с воплями вон из комнаты не бросилась и воздержалась от того, чтобы извергнуть содержимое желудка на ковер. Приятное

разнообразии по сравнению с тем, как его обычно принимали.

— Как это случилось? — спросила Эмма.

— Война. Следующий вопрос?

Помолчав с минуту, она тихо сказала:

— Прошу вас, просто отдайте мне деньги.

Он протянул ей руку с деньгами. Она тоже протянула руку, чтобы взять деньги.

Эш сомкнул ладонь, зажав монеты.

— Но сначала отдайте мне платье.

— Что?

— Если я оплачиваю ваш труд, то хочу получить платье, — это справедливо.

— Зачем оно вам?

Он пожал плечами:

— Я пока не решил. Могу пожертвовать его приюту для отставных танцовщиц, бросить в Темзу, чтобы порадовать угрей, повесить над дверью парадного, чтобы отгонять злых духов, — вариантов много!

— Я... Ваша светлость, я могу распорядиться, чтобы его доставили вам завтра, но деньги мне необходимы сегодня.

Он прищелкнул языком.

— Это уже будет заем, мисс Гладстон. А я не занимаюсь денежными ссудами.

— Так вы хотите получить платье прямо сейчас?

— Только если вы желаете прямо сейчас получить деньги!

Она сверлила его взглядом своих темных глаз, явно ужасаясь низости его натуры. Но он только пожал плечами. Да, он виновен — по всем пунктам обвинения. Чертовски огорчительно остаться изуродованным на поле боя лишь по прихоти злого случая.

Некого винить — некому и мстить. Лишь тлеющая в душе горечь, из-за которой его всегда подмывало отыграться на том, кто подвернется под руку. О нет, он не был жесток — разве что человек действительно и несомненно заслуживал наказания. Обычно Эшбери ограничивался тем, что получал извращенное удовольствие от собственных издевок.

Если уж ему суждено выглядеть чудовищем, так почему бы не сыграть соответствующую роль?

К сожалению, эта модистка не желала изображать дрожащую мышь. Ну просто ни малейшего замешательства, что бы он ни сказал! И если девица до сих пор не сбежала от ужаса, то, вероятно, уже не сбежит.

К счастью для нее.

Эшбери был уже готов вручить ей деньги и попроситься — и с ней, и с платьем — самым любезным образом, да только не успел, потому что она решительно выдохнула:

— Хорошо.

Ее пальцы нащупали боковую застежку. Она начала расстегивать крючки, спрятанные в боковом шве лифа. Один за другим. Расстегнутый лиф уже не так туго сдавливал грудь, и она обрела естественную полноту. Рукав упал с плеча, прикрытого тончайшей тканью сорочки. Темная прядь выбилась из прически, щекоча ключицу.

Господи боже мой!

— Прекратите.

Замерев, она подняла голову.

— Прекратить?

Герцог грубо выругался про себя. Он еще должен повторять?

— Прекратите!

Ему с трудом верилось, что ему достало приличия сказать это сразу же, не то увидел бы спектакль, предназначенный ему одному, по цене два фунта три шиллинга. Гораздо выше существующих расценок, но дело того стоило, поскольку девушка была очень хорошенькой.

Кроме того, она была дочерью священника. Эш всегда мечтал соблазнить дочь священника. Если честно, какой мужчина не желал бы этого? Тем не менее не такой же он негодяй, чтобы добиться этого путем шантажа.

И тут герцога осенило. А если — кто знает? — он сможет воплотить мечту в действительность? Лучше, конечно, иным, не столь жестоким способом... И он снова оглядел Эмму Гладстон, теперь с новой точки зрения, перебирая в уме список требований, сформулированных в своем незаконченном письме.

Она была молода и здорова. Образованна. Она была дочерью джентльмена и в придачу чуть не разделась перед ним добровольно.

И самое главное, она явно находилась в отчаянном положении.

Она подойдет.

Если угодно, его гостья была самой подходящей кандидатурой.

— Выбирайте, мисс Гладстон. Я могу заплатить вам два фунта три шиллинга. — Он выложил на стол стопку монет, и она алчно уставилась на деньги. — Или, — продолжал он, — я могу сделать вас герцогиней.

Глава 2

«Герцогиней?»

Что ж, кое за что Эмма была ему благодарна. По крайней мере, теперь у нее был предлог смотреть на него во все глаза.

С той минуты, как герцог показал ей свои шрамы, она очень старалась на него не смотреть. В результате ее взгляд метался между его лицом, ковром на полу и стопкой монет на столе. У нее даже закружилась голова.

Зато теперь у нее было неоспоримое право смотреть на него.

Поразительный контраст! Разумеется, первым делом ее внимание сосредоточилось на изувеченной стороне его лица. Казалось, оно принадлежало злобному чудовищу. Сеть извивающихся рубцов тянулась от уха вверх, выше линии роста волос. И что было совсем уж жестоко — неизбежное сравнение изуродованной плоти с той половиной лица, что осталась невредимой. Здесь-то он был красавцем, в несколько бесшабашном и решительном стиле, как и пристало джентльмену, считающему себя неотразимым.

Эмму не пугала его внешность, хотя она и была вынуждена признать, что выглядит он... поразительно. Нет, решила она, «поразительно» не совсем то слово.

Потрясающе — вот как он выглядел. Потрясающе.

Словно молния ударила в его тело, разделив пополам. Вокруг герцога, казалось, все еще витали электрические разряды. Эмма чувствовала их, находясь довольно далеко от стола. Ее руки даже покрылись гусиной кожей.